

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895

Посвящается С. Н. Р.
ВЕНЕЦИЯ

Прощай, Венеция! Твой Ангел блещет ярко
На башне городской, и отдаленный звон
Колоколов Святого Марка
Несется по воде, как чей-то тихий стон.
Люблю твой золотой, твой мраморный собор,
На сон, на волшебство, на вымысел похожий,
Народной площади величье и простор
И сумрак галерей в палаццо древних Дожей,
Каналы узкие под арками мостов
И ночью в улице порою звук несмелый

Ускоренных шагов;

Люблю я мрамор почернелый

Твоих покинутых дворцов,

Мадонны образок с лампадой одинокой
Над сваями, в немых лагунах Маломокко,
Где легче воздуха прозрачная вода:
Она живет, горит, и дышит, и синеет,
И, словно птица, в ней гондола, без следа,
Без звука, – черная, таинственная реет.

1891

РАССЛАБЛЕННЫЙ легенда

Схоластик некий, именем Евлогий,
Подвинутый любовью, мир презрел
И в монастырь ушел, раздав именье,
Но, ремесла не ведая, меж братьий
В бездействии невольном пребывал.
Однажды он расслабленного встретил,
Лежавшего на улице, без рук,
Без ног; молил он гласом лишь и взором
О помощи. Евлогий же сказал:
«Возьму к себе расслабленного, буду
Любить его, покоить до конца,

И так спасусь. Терпенья дай, о, Боже,
Мне, грешному, чтоб брату послужить!»

Он, приступив к расслабленному, молвил:

«Не хочешь ли, возьму тебя к себе
И скоро твой недуг и старость упокою?»

«Ей, Господи!» – расслабленный в ответ,

Тогда Евлогий: «Приведу осла,
Чтоб отвезти тебя в мою обитель».

И с радостью великой ожидал
Его бедняк. Привел осла Евлогий,
Больного взял, отвез к себе домой
И стал о нем заботиться, и пробыл
Пятнадцать лет расслабленный в дому
Евлогия, и тот его покоил,

Служил ему, как дряхлому отцу,
Кормил его, как малого ребенка,
На собственных руках его носил.

Но дьявол стал завидовать обоим:
Хотел он мзды Евлогия лишить.

И, развратив расслабленного, ярость
Вдохнул в него, и начал тот во гневе
Евлогия хулить: «Ты – беглый раб,
Похитивший именье господина!

Ты чрез меня спасаешься, ты принял
Калеку в дом, чтоб назвали тебя
И праведным, и милосердным люди!..»

Но с кротостью отвечивал Евлогий:
«Не будь ко мне несправедливым, брат,

И лучше ты скажи, какое зло
Я сотворил тебе, – и я покаюсь».

Но возопил калека: «Не хочу
Любви твоей! Неси меня из дома,
На улице повергни! Не хочу
Ни ласк твоих, ни твоего покоя!»

Евлогий же: «Молю тебя, утешься!»

Но в ярости расслабленный кричал:
«Мне скучно здесь, противна эта жизнь!
И не терплю я твоего лукавства...
Дай мяса мне!.. Я мясо есть хочу!..»
Тогда принес ему Евлогий мяса.
«Один с тобою быть я не могу:
Хочу живых людей, хочу народа!» –
«Я много братий приведу тебе...» –
«О, горе мне, – больной ему в ответ, –
О, горе, окаянному! Противно
И на твое лицо смотреть: ужель
Еще толпу таких же праздноядцев
Ты приведешь ко мне?..» И разъярился,
И голосом он диким возопил:
«Нет, не хочу я, не хочу! Повергни
Опять меня туда, откуда взял:
На улицу хочу я, на распутье!
Там – пыль и солнце, пролетают птицы,
И по камням грохочут колесницы,
Там ветер пахнет морем, и вдали
Крылатые белеют корабли...
Мне скучно здесь, где лишь лампы, тлея,
Коптят немые лики образов,
Где – ладана лишь запах да елея,
И душный мрак, и звон колоколов...
О, если б были руки, – удавился
Иль заколол бы я себя ножом!..»

В смятении пошел Евлогий к братьям.
«Что делать мне?» – он старцев спросил.
Они его к Антонию послали.
И на корабль он посадил больного,
И выехал, и прибыл к той земле,
Где жил Антоний, схимник, и с калекой
Пришел к нему Евлогий и сказал:
«Пятнадцать лет больному я служил, –

Он за любовь меня возненавидел.
И я спросить пришел к твоей святыне,
Что сотворю я с ним?» Тогда в ответ
Проговорил Антоний гласом тяжким
И яростным: «Евлогий, если ты
Отвергнешь брата, – помни, что Спаситель
Бездомного вовеки не отвергнет:
Его в раю высоко над тобой
Он вознесет». Евлогий ужаснулся;
Антоний же – расслабленному: «Раб,
Земли и неба недостойный, ты ли
Дерзнул хулу на Господа изречь?..
Так помни же, что Сам тебе Спаситель
Во образе Евлогия служил!»
Потом он стал учить обоих: «Дети,
Не разлучайтесь друг от друга, – нет:
От сатаны пришло вам искушение.
Идите с миром, отложив печаль.
Я ведаю, что при конце вы оба,
Что близко смерть: вы у Христа венцов
Заслужите, ты – им, и он – тобою.
Но если б Ангел Смерти прилетел
И на земле вас не нашел бы вместе, –
То лишены вы были бы венцов.
Так те, кто любят – мученики оба,
Прикованы друг к другу навсегда:
И большего нет подвига пред Богом,
Нет в мире большей казни, чем любовь!»

Потом, когда они вернулись в келью
И в мире прожили двенадцать дней,
Исполнены любовью совершенной, –
Евлогий умер, и на третий день
Расслабленный за братом в лоно Бога
Для вечного покоя отошел.

МОЛЧАНИЕ

Как часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умею,
Я только радуюсь, страдаю и молчу:
Как будто стыдно мне – я говорить не смею.

И в близости ко мне живой души твоей
Так все таинственно, так все необычайно, –
Что слишком страшную божественную тайной
Мне кажется любовь, чтоб говорить о ней.

В нас чувства лучшие стыдливы и безмолвны,
И все священное объемлет тишина:
Пока шумят вверху сверкающие волны,
Безмолвствует морская глубина.

1892

ЛЮБОВЬ–ВРАЖДА

Мы любим и любви не ценим,
И жаждем оба новизны,
Но мы друг другу не изменим,
Мгновенной прихотью полны.
Порой, стремясь к свободе прежней,
Мы думаем, что цепь порвем,
Но каждый раз все безнадежней
Мы наше рабство сознаем.
И не хотим конца предвидеть,
И не умеем вместе жить, –
Ни всей душой возненавидеть,
Ни беспредельно полюбить.
О, эти вечные упреки!
О, эта хитрая вражда!
Тоскуя – оба одиноки,
Враждуя – близки навсегда.
В борьбе с тобой изнемогая
И все ж мучительно любя,

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosofff.org
Я только чувствую, родная,

Что жизни нет, где нет тебя.
С каким коварством и обманом
Всю жизнь друг с другом спор ведем,
И каждый хочет быть тираном,
Никто не хочет быть рабом.
Меж тем, забыться не давая,
Она растет всегда, везде,
Как смерть, могучая, слепая
Любовь, подобная вражде.
Когда другой сойдет в могилу,
Тогда поймет один из нас
Любви божественную силу –
В тот страшный час, последний час!

<1892>

ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Он твердо шел прямой дорогой,
Ни перед кем не лицемерил,
И, безупречен в жизни строгой,
В богов толпы он свято верил.

И вдруг с улыбкою безумной
Ты все разрушила, смеясь;
Грозой блистательной и шумной
Над тихой жизнью пронеслась.

То верит он слепой надежде,
То вновь боязнь его тревожит,
И он не хочет жить как прежде
И за тобой идти не может.

Ты для него непостижима
В твоей загадочной красе.
А он весь век непогрешимо
Живет и думает как все.

Его душа – без вдохновенья:

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosoff.org
С благоразумьем неразлучен,

Он чужд борьбы и разрушенья,
Он добродетелен и скучен.

кто обвинит тебя сурово?
Ты плод запретный сорвала
И край священного покрова
Пред недостойным подняла.

Так этот мир был лучезарен,
Так были сладки эти звуки,
Что, может быть, за смерть и муки
Он будет вечно благодарен.

1892

ОДИНОЧЕСТВО В ЛЮБВИ

Темнеет. В городе чужом
Друг против друга мы сидим,
В холодном сумраке ночном,
Страдаем оба и молчим.

И оба поняли давно,
Как речь бессильна и мертва:
Чем сердце бедное полно,
Того не выразят слова.

Не виноват никто ни в чем:
Кто гордость победить не мог,
Тот будет вечно одинок,
Кто любит, должен быть рабом.

Стремясь к блаженству и добру,
Влача томительные дни,
Мы все – одни, всегда – одни:
Я жил один, один умру.

На стеклах бледного окна
Потух вечерний полусвет.
Любить научит смерть одна

Умолкнет гордость и вражда,
Забуду все, что я терплю,
И безнадежно люблю,
Тебя утратив навсегда.

Темнеет. Скоро будет ночь.
Друг против друга мы сидим,
Никто не может нам помочь, –
Страдаем оба и молчим.

1892

Киев

DE PROFUNDIS Из дневника

...В те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения, которое сотворил БОГ, даже доньше и не будет. И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть.
(Ев. Марка, гл. XIII. 19, 20)
I УСТАЛОСТЬ

Мне самого себя не жаль.
Я принимаю все дары Твои, о Боже,
Но кажется порой, что радость и печаль,
И жизнь, и смерть – одно и то же.

Спокойно жить, спокойно умереть –
Моя последняя отрада.
Не стоит ни о чем жалеть,
И ни на что надеяться не надо.

Ни мук, ни наслаждений нет.
Обман – свобода и любовь, и жалость.
В душе – бесцельной жизни след –
Одна тяжелая усталость.

II DE PROFUNDIS [1]

из преисподней вопию
я, жалом смерти уязвленный:
Росу небесную Твою
Пошли в мой дух ожесточенный.
Люблю я смрад земных утех,

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosoff.org
Когда в устах к Тебе моления –

люблю я зло, люблю я грех,
люблю я дерзость преступленья.
Мой Враг глумится надо мной:
«Нет Бога: жар молитв бесплоден».
Паду ли ниц перед Тобой,
Он молвит: «Встань и будь свободен».
Бегу ли вновь к Твоей любви, –
Он искушает, горд и злобен:
«Дерзай, познавья плод сорви,
Ты будешь силой мне подобен».
Спаси, спаси меня! Я жду,
Я верю, видишь, верю чуду,
Не замолчу, не отойду
И в дверь Твою стучаться буду.
Во мне горит желаньем кровь,
Во мне таится семя тленья.
О, дай мне чистую любовь,
О, дай мне слезы умиленья.
И окаянного прости,
Очисти душу мне страданьем –
И разум темный просвети
Ты немерцающим сияньем.

1892

СЕЯТЕЛЬ

Над холмами полосую
Побелел восток вдали,
Дышат сыростью ночною
Глыбы вспаханной земли.

Видишь, мерными шагами
Ходит сеятель в полях.
Тишина, как в Божьем храме,
На земле и в небесах.

Все кругом священным страхом,

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosoff.org
Как пред таинством, полно,

И руки спокойным взмахом
Рассевает он зерно.

И для труженика снова
Грудь земли родить должна,
Жатву хлеба золотого
Из погибшего зерна,

Созидаю жизнь из смерти,
Пред лицом святых небес,
О, молитесь же и верьте:
Это – чудо из чудес!

12 августа 1892

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Следы забот, как иглы терний,
Оставил в сердце скорбный день.
Гори же, тихий свет вечерний,
Привет тебе, ночная тень!

Я жду с улыбкою блаженной,
Я рад тому, что жизнь пройдет,
Что все прекрасное – мгновенно,
Что все великое умрет.

Покой печальный и бесстрашие –
Удел того, кто мир постиг:
На миг – любовь, на миг и счастье,
Но сердцу – вечность этот миг.

Без упования, без тревоги
От капли нектара вкушай,
И прежде, чем отнимут боги,
Ты кубок жизни покидай.

Любовь умрет, как луч заката.
Но память прошлое хранит,
И все, к чему уж нет возврата,

Да будет легким расставанье:

Ты мне, о солнце, подари
Еще последнее лобзанье,
Еще последний луч зари.

Я слышу в листьях слабый лепет,
Я слышу в море шепот струй:
Вот он – последний жизни трепет,
Любви последний поцелуй, –

И ты зашло, мое светило.
Тебя увижу ли я вновь?
Прости же все, что сердцу мило,
Прости, о солнце и любовь!

16 августа 1892

НИВА

На солнце выхожу из тени молчаливой,
По влажной колее неведомой тропы,
Туда, где в полдень серп звенит над желтой нивой
И золотом блестят тяжелые снопы.

Благослови, Господь, святое дело жизни,
Их жатву мирную, – тебе угодный труд!
Жнецы родных полей когда-нибудь поймут,
Что не чужой и ты, певец, в своей отчизне.

Не праздна жизнь твоя, не лгут твои уста:
Как жатва Господом дарованного хлеба,
Святое на земле благословенье неба
И вечных слов твоих живая красота.

Как в полдень свежести отрадной дуновенье
На лик согбенного, усталого жнеца –
За бескорыстный труд и на главу певца
Пошли, о Господи, Твое благословенье!

16 августа 1892

НОЧЬ

И непорочна, и незлобна,
Небес таинственная дочь,
Нисходит на меня, амброзии подобна,
Благоухающая ночь
И несказанной грустью дышит.
Миры блестят, как пыль, как след ее ноги,
И сердце трепетное слышит
Воздушно-легкие шаги.

И обнажились бездны ночи,
Покров лучей дневных исчез,
Как золотая ткань отдернутых завес...
Да узрят Бога все, имеющие очи.

16 августа 1892

ТИШИНА

Бури лишь в юности сердце пленяют,
Но пролетают:
Сила ничтожна их дикая,
И после них остается одна
Правда великая,
Ненарушимая –
В сердце – покой, в небесах – тишина,

ибо лазурь
Вечно – безмолвная,
Недостижимая,
Так же, как истина, полная,
Выше всех бурь.

Бог – не в словах, не в молитвах,
Не в смертоносном огне,
Не в разрушенье и битвах,
Бог – в тишине.

Небо и сердце полны тишиной:

Глубже, чем все мимолетные звуки,

Глубже, чем радость и муки,
В сердце безбурном,
В небе лазурном –
Вечный покой.

3 сентября 1892

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Падайте, падайте, листья осенние,
Некогда в теплых лучах зеленевшие,
Легкие дети весенние,
Сладко шумевшие!..
В утреннем воздухе дым, –
Пахнет пожаром лесным,
Гарью осеннею.

Молча люблюсь на вашу красу,
Поздним лучом позлащенные!
Падайте, падайте, листья осенние...
Песни поет похоронные
Ветер в лесу.

Тихих небес побледневшая твердь
Дышит бессмертной радостью,
Сердце чарует мне смерть
Неизреченною сладостью.

Сентябрь 1892

ПАРКИ[2]

Будь что будет – все равно.
Парки дряхлые, прядите
Жизни спутанные нити,
Ты шуми, веретено.

Все наскучило давно
Трем богиням, вещим пряхам:
Было прахом, будет прахом, –
Ты шуми, веретено.

Нити вечные судьбы

Тянут Парки из кудели,

Без начала и без цели.

Не склоняют их мольбы,

Не пленяет красота:

Головой они качают,

Правду горькую вещают

Их поблеклые уста.

Мы же лгать обречены:

Роковым узлом от века

В слабом сердце человека

Правда с ложью сплетены.

Лишь уста открою, – лгу,

Я рассечь узлов не смею,

А распутать не умею,

Покориться не могу.

Лгу, чтоб верить, чтобы жить,

И во лжи моей тоскую.

Пусть же петлю роковую,

Жизни спутанную нить,

Цепи рабства и любви,

Все, пред чем я полон страхом,

Рассекут единым взмахом,

Парка, ножницы твои!

1892

МИКЕЛАНДЖЕЛО

Тебе навеки сердце благодарно,

С тех пор, как я, раздумием томим,

Бродил у волн мутно-зеленых Арно,

По галереям сумрачным твоим,

Флоренция! и статуи немые

За мной следили: подходил я к ним

Благоговейно. Стены вековые

Твоих дворцов объята были сном,
А мраморные люди, как живые,
Стояли в нишах каменных кругом:
Здесь был Челлини, полный жаждой славы,
Боккачио с приветливым лицом,
Макиавелли, друг царей лукавый,
И нежная Петрарки голова,
И выходец из Ада величавый,
И тот, кого прославила молва,
Не разгадав, – да Винчи, дивной тайной
Исполненный, на древнего волхва
Похожий и во всем необычайный.
Как счастлив был, храня смущенный вид,
Я – гость меж ними, робкий и случайный.
И, попирая пыль священных плит,
Как юноша, исполненный тревоги,
На мудрого наставника глядит, –
Так я глядел на них: и были строги
Их лица бледные, и предо мной,
Великие, бесстрастные, как боги,
Они сияли вечной красотой.
Но больше всех меж древними мужами
Я возлюбил того, кто головой
Поник на грудь, подавленный мечтами,
И опытный в добре, как и во зле,
Взирал на мир усталыми очами:
Напечатлела дума на челе
Такую скорбь и отвращенье к жизни,
Каких с тех пор не видел на земле
Я никогда, и к собственной отчизне

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosoff.org
Презренья было горькое в устах,

Подобное печальной укоризне.

И я заметил в жилистых руках,
В уродливых морщинах, в повороте
Широких плеч, в нахмуренных бровях –

Твое упорство вечное в работе,
Твой гнев, создатель Страшного Суда,
Твой беспощадный дух, Буонарроти.

И скукою бесцельного труда,
И глупостью людскою возмущенный,
Ты не вкушал покоя никогда.

Усиьем тяжким воли напряженной
За миром мир ты создавал, как Бог,
Мучительными снами удрученный,

Нетерпелив, угрюм и одинок.
Но в исполинских глыбах изваяний,
Подобных бреду, ты всю жизнь не мог

Осуществить чудовищных мечтаний
И, красоту безмерную любя,
Порой не успевал кончать созданий.

Упорный камень молотом дробя,
Испытывал лишь ярость, утоленья
Не знал вовек, – и были у тебя

Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вечно невозможного хотел.
Являют нам могучие творенья

Страданий человеческих предел.
Одной судьбы ты понял неизбежность
Для злых и добрых: плод великих дел –

Ты чувствовал покой и безнадежность
И проклял, падая к ногам Христа,

Земной любви обманчивую нежность,
Искусство проклял, но пока уста,
Без веры, Бога в муках призывали, –
Душа была угрюма и пуста.

И Бог не утолил твоей печали,
И от людей спасенья ты не ждал:
Уста навек с презреньем замолчали.

Ты больше не молился, не роптал,
Ожесточен в страданье одиноком,
Ты, ни во что не веря, погибал.

И вот стоишь, не побежденный роком,
Ты предо мной, склоняя гордый лик,
В отчаянье спокойном и глубоком,

Как демон, – безобразен и велик.

1892

Флоренция

ПРОСТОЕ СЕРДЦЕ

Блажен, в чьем сердце мир глубокий,
Кто верит в Бога и людей,
Кто никогда, от зла далекий,
Ни лгал пред совестью своей.

Он не один под небесами:
На каждый дружеский привет
Природа всеми голосами
С любовью шлет ему ответ...

Но Божьих звезд любовный взор,
Улыбка неба голубого
Для сердца темного и злого –
Живой, мучительный укор.

<1892>

ВОЛНЫ

Я бы людям не мог рассказать, почему

Вы для сердца, о волны, родные.

Только знаю, что чем непонятней уму,

Тем я глубже душою пойму

Ваши речи живые.

Я люблю вас, не знаю, зачем и за что,

Только знаю, что здесь, перед вами,

Наши песни ничтожны: вы скажете то,

Что вовеки не может никто

Рассказать никакими словами.

1892

Неаполитанский залив

МАТЬ

С еще бессильными крылами

Я видел птенчика во ржи,

Меж голубыми васильками,

У непротоптанной межи.

Над ним и надо мной витала,

Боялась мать не за себя,

И от него не улетала,

Тоскуя, плача и любя.

Пред этим маленьким твореньем

Я понял благость Вышних Сил,

И в сердце, с тихим умиленьем,

Тебя, любовь, благословил.

1892

ГРИНДЕЛЬВАЛЬД

Букет альпийских роз мне по пути срывая,

В скалах меня ведет мой мальчик-проводник,

И, радуясь тому, что бездна – мне родная,

Я с трепетом над ней и с жадностью поник.

О, бледный Зильбергорн на бледном небосклоне,

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosofff.org
О, сладкогласная мелодия, звонков –

Там где-то далеко чуть видимых на склоне
По злачной мураве пасущихся коров!

Уже в долинах зной, уже повсюду лето,
А здесь еще апрель, сады еще стоят
Как будто бы в снегу, от яблонного цвета,
И вишни только что надели свой наряд.

Здесь одиночеству душа безумно рада,
А в воздухе кругом такая тишина,
Такая тишина, и вечная прохлада,
И мед пахучих трав, и горная весна!

О, если б от людей уйти сюда навеки
И, смерти не боясь, лететь вперед, вперед,
Как эти вольные, бушующие реки,
Как эти травы жить, блестеть как этот лед.

Но мы не созданы для радости беспечной,
Как туча в небесах, как ветер и вода:
Душа должна любить и покоряться вечно, –
Она свободною не будет никогда!

<1892>

ПАРФЕНОН

Мне будет вечно дорог день,
Когда вступил я, Пропилеи,
Под вашу мраморную сень,
Что пены волн морских белее,
Когда, священный Парфенон,
Я увидал в лазури чистой
Впервые мрамор золотистый
Твоих божественных колонн,
Твой камень, солнцем весь облитый,
Прозрачный, теплый и живой,
Как тело юной Афродиты,
Рожденной пеною морской.

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosoff.org
Здесь было все душе родное,

И Саламин, и Геликон,
И это море голубое
Меж белых, девственных колонн.
С тех пор душе моей святыня,
О скудной Аттики земля, –
Твоя печальная пустыня,
Твои сожженные поля!

1892

Ионическое море
ПРОЛОГ НА НЕБЕ Из «Фауста» Гете
Господь, Небесное воинство, потом Мефистофель.
Три Архангела выступают вперед.

Рафаил

Как древле, солнце гимн сливает
С немолчной музыкой миров
И громоносный путь свершает,
И вид его толпе духов
Дарует силу и смирение:
Никто зажечь его не мог.
Кругом, как в первый день творенья,
Прекрасно все, что создал Бог.

Гавриил

С непостижимой быстротою
Земля вращается, – и день
И свет Эдема чередою
Сменяет грозной ночи тень,
И море пенится волнами
И шумно бьется о гранит,
И море вместе с берегами
Земля в одном движенье мчит...

Михаил

И свищут бури то над степью,
То над пучиною морской,

И разрушительною цепью
Объемлют вечно шар земной.
В них гром с раскатами глухими,
В них блеск губительных огней...
Но, Боже, здесь поем над ними
Мы тихий свет Твоих лучей.

Все трое

Даешь Ты силу и смиренье,
Тебя никто постичь не мог,
Кругом, как в первый день творенья,
Прекрасно все, что создал Бог.

Мефистофель

Ты снизошел опять, о Повелитель мой,
Проведать нас, рабов Твоих покорных.
Бывало, ты любил поговорить со мной,
И вот я снова здесь, в кругу Твоих придворных,
Пускай сочтут они смешным простой язык,
Но все же громких слов не буду тратить даром:
Я мог бы рассмешить Тебя притворным жаром,
Когда бы Ты давно смеяться не отвык.
О солнцах, о мирах я говорить не буду,
Но вижу я людей, страдающих повсюду.
Все тот же бедный царь природы, и во всем
Остался человек таким же чудаком.

Ты с ним сыграл плохую шутку:

Огонь небес в сердца людей

Ты заронил, и вот, благодаря рассудку,
В них больше зверского, чем у самих зверей,
Подобен человек цикаде (с позволения
Его величества употреблю сравненья):
Пытается лететь и делает прыжок,
И песенку поет все ту же. Если б мог
Хоть мирно жить в траве. Но вот беда: с вопросом
О целях мира в грязь он попадает носом!

Господь

Ужели ни о чем не можешь говорить
Ты кроме зла? Ужель с упреками ты снова
Пришел ко мне? Скажи, иль ничего святого
Нет в мире?

Мефистофель

Хуже мир едва ли может быть:
Такая скорбь людей гнетет, такие беды,
Что мне порой их жаль, не хочется победы:
И без меня их ждет плачевная судьба.

Господь

Ты видел фауста?

Мефистофель

ученого?

Господь

Раба

Господня!

Мефистофель

Да. Он раб довольно странный:
Питается глупец лишь пищей неземной,
Куда-то рвется вдаль за грезой туманной,
Свое безумие он сознает порой,
У неба лучших звезд он требовать дерзает
И недоступного блаженства у земли...

Но все, что близко, что вдали –
Его измученной души не утоляет.

Господь

Пока он служит мне, еще объятый тьмой,
Но скоро дух его я озарю лучами.

Так, если деревцо чуть зелено весной,

Садовник знает, что с годами
Оно вознаградит и цветом, и плодами.

Мефистофель

Угодно об заклад побиться?

Я выиграю вновь, лишь дайте мне вести
Тихонько Фауста по моему пути.

Господь

Я знаю: человек грешит, пока стремится,
Пока он на земле живет, во власть твою
Раба Господня отдаю.

Мефистофель

Я благодарен вам от всей души, поверьте,
Я слабость издревле питал не к мертвецам,
А к тем, кто никогда не думает о смерти,
И к свежим ямочкам, и к розовым щекам.
Нарочно резвых выбираю,
И с ними весело, как с мышью кот, играю.

Господь

да будет так.

Пытайся же затмить сей разум благородный
И за собой увлечь во мрак,
И овладеть душой свободной! –
Увидишь со стыдом, что есть в сердцах людей
Среди неясных дум, порывов и страстей
Сознание смутное божественного долга.

Мефистофель

Посмотрим! Ждать придется нам недолго.
Уверен я в победе. Об одном
Прошу Тебя: великим торжеством
Ты не мешай мне вволю наслаждаться.
Заставлю доктора во прахе пресмыкаться,
Он будет прах глотать, как некогда змея,
Тысячелетняя прабабушка моя!

Господь

Свободен ты во всем, и знай, тебе подобных
Страница 23

Без гнева слушаю, и Я прощаю смех,

Из духов отрицанья злобных

Мне дух насмешливый враждебен меньше всех.

Чтоб человек всю жизнь в бездействии не прожил,

Ты не даешь уснуть ни сердцу, ни уму.

Я демона послал в товарищи ему,

Чтоб спящих он будил и звал их, и тревожил.

А вы, сыны Господни, в простоте

Возрадуйтесь живой и вечной красоте,

И пусть творящая, Неведомая Сила

Вас цепью нежною любви соединит,

Чтоб ваша мысль навек, постигнув, укрепила,

Что в пролетающих видениях сквозит.

(Небо закрывается. Архангелы исчезают.)

Мефистофель

(один)

Я поболтать люблю порой со Стариком.

С ним связи порывать считаю бесполезным.

И в Нем приятно то, что, будучи царем,

Он даже с дьяволом умеет быть любезным.

1892

ИОВ Библейская поэма

I

...И непорочного Иова струпьями лютой проказы

Бог поразил от подошвы ноги и по самое темя.

Иов сидел далеко за оградой селенья на пепле.

Острую взял он себе черепицу скоблить свои раны.

Молвит жена ему: «Все еще тверд ты в своем

благочестье?

Встань и Творца похули, чтоб тебе умереть».

Но смиренно

Иов жене отвечает: «Я доброе принял от Бога,

Должно и злое принять: да исполнится воля Господня!»

Мудрый Софар, Елифаз из Темани, Валдат из Савхеи[3]

Вместе сошлись, чтобы сетовать с ним, утешая

страдальца.

Очи подняв, издали не узнали несчастного друга.

Жалобный голос возвысили, ризы свои разодрали,

Стали рыдать, неутешные, пыль над главами бросая.

С Иовом рядом семь дней и ночей просидели

в молчанье:

Слова никто не сказал, оттого что страдание было

Слишком велико. И первый открыл он уста и

промолвил:

II

Иов

Да будет проклятым навек

Тот день, как я рожден для смерти и печали,

Да будет проклятой и ночь, когда сказали:

«Зачался человек».

Теперь я плачу и тоскую:

Зачем сосал я грудь родную,

Зачем не умер я: лежал бы в тишине,

Дремал – и было бы спокойно мне.

И почивал бы я с великими царями,

С могучими владыками земли, –

Победоносными вождями,

что войны некогда вели,

Копили золото и строили чертоги...

Я был бы там, где нет тревоги,

Где больше нет вражды земной,

Где равен малому великий,

Вкушают узники покой,

и раб свободен от владыки...

На что мне жизнь, на что мне свет?

Как знойным полднем изнуренный,

Тоскуя, тени ждет работник утомленный,

я смерти жду, – а смерти нет.

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosoff.org
О, если б на меня простер Ты, Боже, руку

и больше страхом не томил, –
Чтоб кончить сразу жизнь и муку,
Одним ударом поразил.

Елифаз

Ужель ты праведней Отца вселенной,
Ужель на суд Его зовешь?
Зачем же с речью дерзновенной
Ты против Бога восстаешь?
Безумец тот, кто не склоняет
Во прах главы перед Творцом.
Когда и небеса нечисты пред лицом
Всевышнего, когда не доверяет
Он даже ангелам Своим, –
То как же чистым быть пред ним
Тому, кто рвется на свободу,
В темницу плоти заключен,
Тому, кто женщиной рожден
И беззаконье пьет, как воду?

Иов

О да, над бездной Бог грядет,
Столпы земли передвигает,
Печать на звезды налагает,
Прикажет, – солнце не взойдет.
Он пронесется, – не замечу,
Захочет взять, – кто запретит?
Он спросит, – как Ему отвечу,
Накажет, – кто меня простит?
Пред взором мудрости Господней
Открыты тайны преисподней,
И херувимы, падши ниц,
Не открывая в страхе лиц,
Трепещут у Его подножья,
И полон мир Его чудес,
И все величие небес –

От дуновенья Духа Божья.

Жив мой Создатель, жив Господь,

Мой Бог, суда меня лишивший,

Мне душу скорбью омрачивший:

Его нельзя мне побороть.

Но пусть страдаю, неутешный, –

Я вашей лжи не потерплю,

И правоты моей безгрешной,

Пока я жив, не уступлю.

Голодных я кормил, я утолял печали,

Я утешал больных, для сирот был отец,

И чресла бедняков меня благословляли,

Согретые руном моих овец.

За щедрость в дни былые славил

По всей земле меня народ.

В тени вечерней у ворот

Мое седалище я ставил.

И юноши ко мне, и старцы, приходя,

В благоговении молчали,

И слов моих смиренно ждали,

Как благодатного дождя.

За что же ныне я в позоре,

Людьми отвергнутый, живу,

Не знаю, где в слезах и горе

Склонить бездомную главу.

В пыли, со струпьями на почернелой коже,

Сажу и думаю: меня утешит ложе.

Но Бог виденьями пугает и во сне.

И ночью холодно в разодранных одеждах,

Во мне страдает дух, и плоть болит во мне,

Тень смерти – на усталых веждах.

И все-таки я прав, я чист перед Тобой,

Не ведаю, Господь, за что терплю мученье.

Земля, ты кровь мою невинную не скрой, –

Да вопиет она о мщенье!

Вилдат

Скажи, ты видел ли, чтоб Бог вознаграждал

людей жестоких и лукавых,

чтоб Он поддерживал неправых

и непорочных отвергал?

О нет, – в шатре у беззаконных

Померкнет радостный очаг,

Он восстановит угнетенных,

и будет к праведному благ,

и суд рабам своим дарует.

Но кары Божьей не минует

Творящий темные дела:

Когда в броне он бесполезной

Уйдет от палицы железной,

Настигнет медная стрела:

За грех твой скорбь вошла в обитель

и за вину твоих детей

Рукою любящей Своей

Тебя карает Вседержитель.

Терпи, смирайся и молчи.

Иов

Все утешения напрасны,

О бесполезные врачи!

Шатры злодеев – безопасны,

Дома грабителей полны

Благословенной тишины.

Я знаю: правды нет, и все ж о ней тоскую,

Без правды жить я не хочу,

Лишь только вспомню – негодую

и содрогаюсь и ропщу.

Не буду я молчать, не буду покоряться,

Невинен я, – и пусть меня накажет Бог.

О, если б с Ним я только мог,

как равный с равным состязаться!

Но нет возмездья, нет суда.

Ужель Он праведных не любит,
и злых, и добрых вместе губит?
Зачем, о Господи, не ведает труда
и богатеет нечестивый?
Зачем обильный плод ему приносят нивы,
и множатся в полях его стада?
Зачем преступные живут среди веселий,
пируют, смерти не боясь?
Их дети прыгают, смеясь,
Под звук тимпана и свирели.
Господь забыл Своих рабов,
Он не поможет угнетенным,
Он не утешит бедняков, –
Он землю отдал беззаконным.
И отторгают от сосцов
Младенцев плачущих, живут под кровом неба
Нагие без одежд, голодные без хлеба.
Меж тем, как должен быть злодей
Соломинкой, Господь, в живой руке Твоей,
Былинкой, ветром уносимой, –
Он жизнь кончает, невредимый.
«Его потомству Бог возмездье бережет», –
Так кто-нибудь из вас мне скажет.
Но пусть и сам злодей от мести Божьей пьет,
Пускай Господь самих грабителей накажет,
А до детей и до грядущих бед
Им после смерти – дела нет.
Скопилось в мире слишком много
неотомщаемых обид, –
И это видят очи Бога,
Он это терпит и молчит!

Софар

Не говори, что Бог несправедлив,
Но люди Вечного постигнуть не умеют.
Лишь сердцем мудрые, гордыню укротив,

Пред ним благоговевут, –
Затем, что свят Его закон,
И в сонме ангелов небесных
Он страшным для очей телесных
Великолепьем окружен.

И если б отнял Он на миг Свое дыханье,
И сердце обратил к Себе Господь, –
Погиб бы человек и всякое созданье,
И возвратилась бы во прах живая плоть.

Ты сам избрал свою дорогу:
На бремя жизни не ропщи.

Будь добрым для себя, не угождая Богу,
И за добро свое награды не ищи.

Мы по земле пройдем, как тени,
Учись у древних мудрецов,
Учись у прошлых поколений,
У наших дедов и отцов.

А мы – вчерашние и ничего не знаем,
Во всем ничтожные – во благе и во зле,
Мы, не достигнув на земле
Ни мудрости, ни счастья, – умираем.

Иов

О, если б мог судьбой я поменяться с вами,
Не так же ли, как вы, главой бы я кивал,
Старался бы помочь в страданиях словами,
Движеньем губ вас утешал.

Но тот, чье сердце в счастье дремлет,
Понять чужую скорбь не может никогда.

Кричу: обида! Бог не внимлет,
Я вопию, – и нет суда.

И что мы – для Него? Зачем подстерегает,
Зачем испытывает нас

Он каждый день и каждый час,

И мстит, и горечью нам душу пресыщает?

Не Ты ль образовал, скрепил костями плоть,

И жизнь не Сам ли Ты вдохнул в меня, Господь,
Не Ты ли надо мной трудился, как ваятель?

За что невинного губить?

Ужели хочешь истребить

Ты дело рук Твоих, Создатель?

И в нескончаемой борьбе

Зачем меня врагом поставил Ты Себе?

Кого преследуешь? Как ураган – пылинку,

Меня похитит смерть. Я слаб и одинок.

Не гонишь ли, Господь, Ты сорванный листок,

Не сокрушаешь ли увядшую былинку?

Кто знает, доживу ль до завтрашнего дня.

Вот скоро я умру, – поищешь, – нет меня.

Уйду – и не вернусь – в страну могильной сени,

В страну безмолвия и ужаса, и тени.

Когда могучий ствол повалит дровосек,

Еще надежда есть, что вновь зазеленеет

Полузасохший пень и даст живой побег,

Как только брызнет дождь и сыростью повеет;

А если человек с лица земли исчез, –

Он не вернется вновь, из гроба не воспрянет,

Во прахе ляжет и не встанет

Он до скончания небес.

О, если у Тебя могущество и благость,

Господь, что значит грех людей,

Зачем бы не простить и осуждений тягость

Не снять с души моей?

Ответь же, выслушай, Владыка, оправданье,

Иль лучше, – нет, оставь, оставь меня, забудь,

Чтоб мне опомниться, перевести дыханье,

Не мучай, отступи и дай мне отдохнуть!

III

Смертному Бог отвечал несказанным глаголом из бури.

Иов лежал пред лицом Иеговы в прахе и пепле:

«Вот я ничтожен, о Господи! Мне ли с Тобою бороться?»

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosofff.org
Руку мою на уста полагаю, умолкнув навеки».

Но против воли, меж тем как лежал он во прахе
и пепле –

Ненасыщенное правдою сердце его возмущалось.

Бог возвратил ему прежнее счастье, богатство умножил.

Новые дети на празднике светлом опять пировали.

Овцы, быки и верблюды в долинах паслись

безмятежных.

Умер он в старости, долгими днями вполне

насыщенный,

И до колена четвертого внуков и правнуков видел.

Только в морщинах лица его вечная дума таилась,

Только и в радости взор омрачен был неведомой

скорбью:

Тщетно за всех угнетенных алкала душа его правды, –

Правды Господь никому никогда на земле не откроет.

1892

НЕДОЛГОВЕЧНАЯ

Нет, ей не жить на этом свете:

Она увянет, как цветок,

Что распустился на рассвете

И до зари дожить не мог.

Оставь ее! Печальной жизни

Она не знает, но грустит:

Иной, неведомой отчизне

Ее душа принадлежит.

Она лишь ласточкой залетной

Издалека примчалась к нам, –

И вновь вернется беззаботно

К своим родимым небесам.

<1893>

НЕУЛОВИМОЕ

Всю жизнь искать я буду страстно,

И не найду, и не пойму,
Зачем люблю Его напрасно,
Зачем нет имени Ему.

Оно – в моей высокой мысли,
Оно – в тени плакучих ив,
Что над гробницею повисли,
Оно – в тиши родимых нив.

В словах любви, и в шуме сосен
И наяву, и в грезах сна,
В тебе, торжественная осень,
В тебе, печальная весна!

В страницах древних книг, в лазури,
В согретом матерью гнезде,
В молитвах детских дней и в буре,
Оно – везде, Оно – нигде.

Недостижимо, но сияет.
Едва найду, едва коснусь,
Неуловимо ускользает,
И я один, и я томлюсь.

И восстаю порой мятежно:
Хочу забыть, хочу уйти,
И вновь тоскую безнадежно, –
И знаю, нет к Нему пути.

1893

В ЛУННОМ СВЕТЕ
Дремлют полною луной
Озаренные поляны.
Бродят белые туманы
Над болотную травой.

Мертвых веток черный ворох,
Бледных листьев слабый лепет,
Каждый вздох и каждый шорох

Пробуждает в сердце трепет.

Ночь, под ярким блеском лунным
Холодеющая, спит,
И аккордом тихострунным
Ветерок не пролетит.

Неразгаданная тайна
В чаще леса, и повсюду –
Тишина необычайна..
Верю сказке, верю чуду.

<1893>

САМОМУ СЕБЕ

Леопарди
Теперь ты успокоишься навеки,
Измученное сердце:
Исчез обман последний,
Который вечным мне казался – он исчез,
И чувствую глубоко, что во мне
Не только все надежды
Соблазнов дорогих,
Но и желанья самые потухли.
Навеки успокойся. Слишком сильно
Ты трепетало. Здесь ничто не стоит
Биенья твоего. Земля
Страданий наших недостойна.
Жизнь – горечь или скука. Ничего
В ней больше нет. Мир – грязь.
В отчаянье навеки успокойся:
Нам ничего судьбою, кроме смерти,
Не суждено. Отныне презираю
Я сокровенное могущество природы,
Бессмысленное, правящее всем,
Чтоб уничтожить все –
И беспредельную тщету вселенной.

6 февраля 1893

ПЕСНЯ МАРГАРИТЫ

Гете
Склони Твой взор,
О Мать Скорбящая,
За нас у Бога предстоящая,
На мой позор!

Ты смотришь, сокрушенная,
Мечом пронзенная,
На муки Сына Твоего.

К Отцу подьмешь очи ясные
И шлешь мольбы напрасные
И за Себя, и за Него.

Кто угадает,
Как плоть страдает,
Чем грудь моя полна?
Все, что сердце в страхе чует,
Чем дрожит, о чем тоскует, –
Знаешь Ты, лишь Ты одна.

С людьми грущу невольно, –
Мне больно, больно, больно..
Когда же все уйдут, –
Я дни без цели трачу,
Я плачу, плачу, плачу –
И муки сердце рвут.

Я розы не водою –
Слезами полила,
Когда сегодня утром
Цветы Тебе рвала.
Еще не заблестели
Лучи в мое окно,
Когда уж на постели
Я плакала давно...

От ужаса, от смерти защиты,

За нас у Бога предстоящая,
О Мать Скорбящая,
Прости, прости!

<1893>

ЦВЕТЫ

Не рви, не рви цветов, но к ним чело склони.

Лелеет их весна и радуется свобода.

Не разрушай того, что создает Природа:

Прими их чистый дар, их аромат вдохни.

Они живут, как ты, но зло им недоступно.

О, радуйся тому, что осквернить не мог

Доныне на земле рукой своей преступной

Ты хоть один еще забытый уголок.

Слова людских молитв и суетны, и жалки.

Из ваших же сердец, не ведающих зла,

О, дочери земли, смиренные фиалки,

Возносится к Творцу безмолвная хвала!

1893

СЧАСТЬЯ НЕТ

Под куполом бесстрастно молчаливым

Святых небес, где все лазурь и свет,

Нам кажется, что можно быть счастливым,

А счастья нет.

Мы каждое мгновенье умираем,

Но все звучит таинственный обет,

И до конца мы верим и желаем;

А счастья нет.

И в ужасе, и в холоде могилы

Нас манит жизнь и солнца милый свет,

Их разлюбить мы не имеем силы,

А счастья нет.

Свою печаль боимся мы измерить.

С предчувствием неотвратимых бед,
Мы не хотим и не должны мы верить,
 что счастья нет!

9 мая 1893

С.-Петербург

УСПОКОЕННЫЕ

Успокоенные Тени,
Те, что любящими были,
Бродят жалобной толпой
Там, где волны полны лени,
Там, над урной мертвой пыли,
Там, над летой гробовой.

Успокоенные Тучи,
Те, что днем, в дыханье бури,
Были мраком и огнем, –
Там, вдали, где лес дремучий,
Спят в безжизненной лазури
В слабом отблеске ночном.

Успокоенные Думы,
Те, что прежде были страстью,
Возмущеньем и борьбой, –
Стали кротки и угрюмы,
Не стремятся больше к счастью,
Полны мертвой тишиной.

1893

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО

С улыбкою бесстрастия
Ты жизнь благослови:
Не нужно нам для счастья
Ни славы, ни любви.

Но почки благовонные
Нужны, – и небеса,
И дымкой опушенные

Прозрачные леса.

И пусть все будет молодо.

И зыбь волны, порой,

Как трепетное золото

Сверкает чешуей,

Как в детстве, все невиданным

Покажется тогда

И снова неожиданным –

И небо, и вода,

Над первыми цветочками

Жужжанье первых пчел,

И с клейкими листочками

Березы тонкий ствол.

С младенчества любезное,

Нам дорого – пойми –

Одно лишь бесполезное,

Забывтое людьми.

Вся мудрость в том, чтоб радостно

Во славу Богу петь.

Равно да будет сладостно

И жить, и умереть.

1893

НИЩИЙ

Вижу ль в скорбных лицах муку,

мимо ль нищего иду

И в протянутую руку

Лепту жалкую кладу, –

За беспечною толпою

Тороплюсь, потупив взгляд,

Словно в чем-то пред тобою

Я глубоко виноват.

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosoff.org
Ты молил меня напрасно,

Брат мой, именем Христа!

Сердце мертвое бесстрастно,

И молчат мои уста.

С безнадежною тоскою

И с неверьем подаю

Я не братскою рукою

Лепту скудную мою.

Лучше б гнев и возмущенье!

Ты же, кротко осеня

лик крестом, благословенье

Призываешь на меня.

Пред собою лгать обидно:

Не люблю я никого, –

Только страшно, только стыдно

За себя и за него!

10 мая 1893

БЕЛАЯ НОЧЬ

Столица ни на миг в такую ночь не дремлет:

Едва вечерняя слетает полутьма,

Как снова бледная заря уже объемлет

На небе золотом огромные дома.

Как перья, облаков прозрачные волокна

Сквозят, и на домах безмолвных и пустых

Мерцают тусклые завешенные окна

Зловещей белизной, как очи у слепых,

Всегда открытые безжизненные очи.

Уходит от земли светлеющая твердь.

В такие белые томительные ночи –

Подобен мраку свет, подобна жизни смерть.

Когда умолкнет все, что дух мой возмущало,

Я чувствую, что есть такая тишина,

Где радость и печаль в единое начало

Сливаются навек, где жизни смерть равна.

12 мая 1893

С.-Петербург

ИЗГНАННИКИ

Есть радость в том, чтоб люди ненавидели,
Добро считали злом,
И мимо шли, и слез твоих не видели,
Назвав тебя врагом.

Есть радость в том, чтоб вечно быть изгнанником
И, как волна морей,
Как туча в небе, одиноким странником,
И не иметь друзей.

Блаженны вы, бездомные, томимые
Печалью неземной,
Блаженны вы, презренные, гонимые
Счастливою толпой.

Прекрасна только жертва неизвестная:
Как тень хочу пройти,
И сладостна да будет ноша крестная
Мне на земном пути.

О, верь – твое сокровище нетленное
Не здесь, а в небесах,
В твоём стыде – величье сокровенное,
Восторг в твоих слезах.

Умри, как жил, – лелея грезы нежные,
Не слыша дольних бурь,
И серафимов крылья белоснежные
Умчат тебя в лазурь.

18 июня 1893

РОДНИК

Где ствол сосны гнилой над кручей
Корнями мшистыми поник,
Бежит холодный и певучий

Неиссякаемый родник.

Я видел: на песке размытом
Тяжелоногий сонный вол,
Оставив грубый след копытом,
В струи кощунственно вошел.

И вдруг источник помутился,
И в нем померкли небеса,
Но скоро вновь он покатился
Волною чистой, как слеза.

Смотри, – он царственно ответил
На зло добром, – учись, поэт:
Как он, будь щедр, глубок и светел
И помни, что награды нет.

1893

ПЧЕЛЫ

Они, решая все вопросы,
Друзей и недругов язвят,
Они, как суетные осы,
Как трутни праздные, жужжат.

Но ты своим смертельным жалом,
Поэт, не делаешь им зла...
Ты знаешь, прелесть жизни – в малом,
Ты извлекаешь, как пчела,

Для Божьих сот в земном скитанье,
Презрев земную суету,
Из всех цветов – благоуханье,
Из всех мучений – красоту!

И счастье для тебя возможно,
И мир твой – первобытный рай;
Из каждой радости ничтожной
Ты мед по капле собирай.

ЮВЕНАЛ О ДРЕВНЕМ РИМЕ

Наше сердце огрубело,
И, к свободе не привык,
А кощунствует он смело,
Лживый, рабский наш язык!

Мы смиренны, – Бог свидетель!
Скучен подвиг, скучен грех...
Трусость – наша добродетель,
Наша мудрость – жалкий смех.

Но, смеясь над целым миром,
Только сильных мира чтим,
Перед мерзостным кумиром
На коленях мы стоим.

Мы – послушны, мы – незлобны,
Что же нет награды нам?
Наши праздники подобны
Погребальным торжествам.

Не хотим или не смеем?
Почему так скучно жить?
Или, мертвые, умеем
Только мертвых хоронить?

Кто был счастлив, кто был молод?
Где веселье? Где любовь?
Вечный мрак и вечный холод...
Влага Леты – наша кровь!..

Братьев гибнущих не видим,
Сами гибнем без борьбы,
Мы друг друга ненавидим
И боимся, как рабы.

Пред таким позорным веком
И среди таких людей –

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosofff.org
Стыдно быть мне человеком,

Сыном родины моей!

25 июня 1893

КРАТКАЯ ПЕСНЯ

Порой умолкнет завыванье
Косматых ведьм, декабрьских вьюг,
И солнца бледное сиянье
Сквозь тучи робко вспыхнет вдруг...

Тогда мой сад гостеприимней,
Он полон чуткой тишины,
И в краткой песне птички зимней
Есть обещание весны!..

26 декабря 1893

СТАРОСТЬ

Чем больше я живу – тем глубже тайна жизни,
Тем призрачнее мир, страшней себе я сам,
Тем больше я стремлюсь к покинутой отчизне –
К моим безмолвным небесам.

Чем больше я живу – тем скорбь моя сильнее,
И неотзывчивей на голос дольных бурь,
И смерть моей душе все ближе и яснее,
Как вечная лазурь.

Мне юности не жаль: прекрасней солнца мая,
Мой золотой сентябрь, твой блеск и тишина.
Я не боюсь тебя, приди ко мне, святая,
О, Старость, лучшая весна!

Тобой обвеянный, я снова буду молод
Под светлым инеем безгрешной седины,
Как только укротит во мне твой мудрый холод
И боль, и бред, и жар весны!

1 января 1894

ДЕТИ НОЧИ

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosoff.org
Устремляя наши очи

На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш пророк.
И, с надеждою в сердцах,
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.
Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.
Погребенных воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Петуха ночное пенье,
Холод утра – это мы.
Наши гимны – наши стоны;
Мы для новой красоты
Нарушаем все законы,
Преступаем все черты.
Мы – соблазн неутоленных,
Мы – посмешище людей,
Искра в пепле оскорбленных
И потухших алтарей.
Мы – над бездною ступени,
Дети мрака, солнца ждем,
Свет увидим и, как тени,
Мы в лучах его умрем.

1894

Pa11anza

ПОЭТ

Сладок мне венец забвенья темный.
Посреди ликующих глупцов
Я иду, отверженный, бездомный
И бедней последних бедняков.

Но душа не хочет примиренья

И не знает, что такое страх.
К людям в ней – великое презренье,
И любовь, любовь в моих очах.

Я люблю безумную свободу:
Выше храмов, тюрем и дворцов,
Мчится дух мой к дальнему восходу,
В царство ветра, солнца и орлов.

А внизу меж тем, как призрак темный,
Посреди ликующих глупцов
Я иду, отверженный, бездомный
И бедней последних бедняков.

1894

МАРТ

Больной, усталый лед,
Больной и талый снег...
И все течет, течет...
Как весел вешний бег
Могучих мутных вод!
И плачет дряхлый снег,
И умирает лед.
А воздух полон нег,
И колокол поет.
От стрел весны падет
Тюрьма свободных рек,
Упрямых зим оплот, –
Больной и темный лед,
Усталый, талый снег...
И колокол поет,
Что жив мой Бог вовек,
Что Смерть сама умрет!

Март 1894

ПЕСНЯ ВАКХАНОК

Певцы любви, певцы печали,

Вы с томной негой завывали,
Как псы на бледную луну.

Эван-Эвоз! К нам, о младость.
Унынье – величайший грех:
Один есть подвиг в жизни – радость,
Одна есть правда в жизни – смех.

Подобно теплой, вешней буре,
Мы, беспощадные, летим.
Наш вечный смех – как блеск лазури,
Мы смехом землю победим.

Смирим надменных и премудрых.
Скорее – к нам, и, взяв одну
Из наших дев змеинокудых,
Покинь и скуку, и жену.

Ханжам ревнивым вы не верьте
И не стыдитесь наготы.
Не бойтесь ни любви, ни смерти,
Не бойтесь нашей красоты.

Эван-Эвоз! К нам, о младость.
Унынье – величайший грех:
Один есть подвиг в жизни – радость,
Одна есть правда в жизни – смех.

Подобны смеху наши стоны.
Гряди, всесильный Вакх, дерзай,
И все преграды, все законы
С невинным смехом нарушай.

Мы нектор жизни выпиваем
До дна, как боги в небесах,
И смехом смерть мы побеждаем
С безумьем Вакховым в сердцах.

3 июля 1894

Ольгино

ЛЕВ

Как хищный лев, пророк блуждает
И, вечным голодом томим,
Пустыню мира пробуждает
Рыканьем царственным своим.

Не робкий девственный мечтатель,
Он – разрушитель и творец,
Он – ненасытный пожиратель
Всех человеческих сердец.

Бегут шакалы и пантеры,
Когда услышат львиный рев,
Когда он выйдет из пещеры,
Могуч и свят, как Божий гнев.

И благодатный, и суровый,
Среди безжизненных песков,
Встречает солнце жизни новой
Он на костях своих врагов.

1894

ПРИЗНАНИЕ

Не утешай, оставь мою печаль
Нетронутой, великой и безгласной,
Обоим нам порой свободы жаль,
Но цепь любви порвать хотим напрасно.

Я чувствую, что так любить нельзя,
Как я люблю, что так любить безумно,
И страшно мне, как будто смерть, грозя,
Над нами веет близко и бесшумно...

Но я еще сильнее тебя люблю,
И бесконечно я тебя жалею, –
До ужаса сливаю жизнь мою,
Сливаю душу я с душой твоею.

И без тебя я не умею жить.
Мы отдали друг другу слишком много,
И я прошу, как милости у Бога,
Чтоб научил Он сердце не любить.

Но как порой любовь ни проклиная –
И жизнь, и смерть с тобой я разделю.
Не знаешь ты, как я тебя люблю,
Быть может, я и сам еще не знаю.

Но слов не надо: сердце так полно,
Что можем только тихими слезами
Мы выплакать, что людям не дано
Ни рассказать, ни облегчить словами.

6 июля 1894

Ольгино

ТИТАНЫ

К мраморам Пергамского жертвенника
Обида! Обида!

Мы – первые боги,
Мы – древние дети
Праматери Геи, –
Великой Земли!
Изменю братьев,
Богов Олимпийцев,
Низринуты в Тартар,
Отвыкли от солнца,
Оглохли, ослепли
Во мраке подземном,
Но все еще помним
И любим лазурь.
Обуглены крылья,
И ног змеевидных
Раздавлены кольца,
Тройными цепями
Обвиты тела, –

Но все еще дышим,

И наше дыханье

колеблет громаду

дымящейся Этны,

и землю, и небо,

и храмы богов.

А боги смеются,

высоко над нами,

и люди страдают,

и время летит.

Но здесь мы не дремлем:

мы мщенье готовим,

и землю копаем,

и гложем, и роем

когтями, зубами,

и нет нам покоя,

и смерти нам нет.

Источим, пророем

глубокие корни

хребтов неподвижных

и вырвемся к солнцу, –

и боги воскликнут,

бледнея, как воры:

«Титаны! Титаны!»

и выронят кубки,

и будет ужасней

громов Олимпийских,

и землю разрушит

и небо – наш смех!

17 июля 1894

ЛЕДА

I

«Я – Леда, я – белая Леда, я – мать красоты,

я сонные воды люблю и ночные цветы.

Я ложусь у пруда, там, где пахнет водой, –

В душной тьме грозовой,
Вся преступная, вся обнаженная, –
Там, где сырость, и нега, и зной,
Там, где пахнет водой и купавами,
Влажными, бледными травами,
И таинственным илом в пруду, –

Там я жду.

Вся преступная, вся обнаженная,
Изнеможенная,

В сырость теплую, в мягкие травы ложусь

И горю, и томлюсь.

В душной тьме грозовой,

Там, где пахнет водой,

Жду – и в страстном бессилии,

я бледнее, прозрачнее сломанной лилии.

Там я жду, а в пруду только звезды блестят,

И в тиши камыши шелестят, шелестят.

II

Вот и крик, и шум пронзительный,

Словно плеск могучих рук:

Это – лебедь ослепительный,

Белый лебедь – мой супруг!

С грозной нежностью змеиною

Он, обвив меня, ласкал

Тонкой шеей лебединою, –

Влажных губ моих искал,

Крылья воду бьют,

Грозен темный пруд, –

На спине его щетиною

Перья бледные встают, –

Так он горд своей победою.

Где я, что со мной, – не ведаю;

Это – смерть, но не боюсь,

Вся бледнея,

Страстно млея,
Как в ночной грозе лилея,
Ласкам бога предаюсь.
Где я, что со мной, – не ведаю».

Все покрыто тьмой,
Только над водой –
Белый лебедь с белой ледею.

III

И вот рождается Елена,
С невинной прелестью лица,
Но вся – коварство, вся измена,
Белее, чем морская пена, –
Из лебединого яйца.

И слышен вопль Гекубы[4] в Трое
И Андрوماхи[5] вечный стон:

Сразились боги и герои,
И пал священный Илион.[6]

А ты, Елена, клятвы мира
И долг нарушив, – ты чиста:
Тебя прославит песнь Омира,[7]
Затем, что вся надежда мира –
Дочь белой леды – Красота.

28 июля 1894

ГОЛУБОЕ НЕБО

Я людям чужд и мало верю
Я добродетели земной:
Иною мерой жизнь я мерю,
иной, бесцельной красотой.

Я только верю в голубую
Недосягаемую твердь,
Всегда единую, простую
И непонятную, как смерть.

Над всем, что любит и страдает,
Дрожит, как лист в дыханье бурь,

Улыбкой вечною сияет
Неумолимая лазурь.

О, небо, дай мне быть прекрасным,
К земле сходящим с высоты,
И лучезарным, и бесстрастным,
И всеобъемлющим, как ты.

1894

ПУСТАЯ ЧАША

Отцы и деды, в играх шумных
Все истощили вы до дна,
Не берегли в пирах безумных
Вы драгоценного вина.

Но хмель прошел, слепой отваги
Потух огонь, и кубок пуст.
И вашим детям каплей влаги
Не омочить горящих уст.

Последним ароматом чаши, –
Лишь тенью тени мы живем,
И в страхе думаем о том,
Чем будут жить потомки наши.

1 августа 1894

СМЕХ

Эту заповедь в сердце своем напиши:
Больше Бога, добра и себя самого
Жизнь люби, – выше нет на земле ничего.
Смей желать. Если хочешь – иди, согреси,
Но да будет бесстрашен, как подвиг, твой грех.
В муках радостный смех сохрани до конца:
Нет ни в жизни, ни в смерти прекрасней венца,
Чем последний, бесстрастный, ликующий смех,
 Смех детей и богов,
 Выше зла, выше бурь,
 Этот смех, как лазурь –

Выше всех облаков.

Есть одна только вечная заповедь – жить
В красоте, в красоте, несмотря ни на что,
Ужас мира поняв, как не понял никто,
Беспредельную скорбь беспредельно любить.

1894

Палланца

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

О, Винчи, ты во всем – единый:
Ты победил старинный плен.
Какую мудростью змеиной
Твой страшный лик запечатлен!

Уже, как мы, разнообразный,
Сомненьем дерзким ты велик,
Ты в глубочайшие соблазны
Всего, что двойственно, проник.

И у тебя во мгле иконы
С улыбкой Сфинкса смотрят вдаль
Полуязыческие жены, –
И не безгрешна их печаль:

Они и девственны и страстны;
С прозрачной бледностью чела,
Они кощунственно прекрасны:
Они познали прелесть Зла.

С блестящих плеч упали ризы,
По пояс грудь обнажена,
И златоокой Мона-Лизы
Усмешка тайною полна.

Все дерзновение свободы,
Вся мудрость вещая в устах,
И то, о чем лепечут воды
И ветер полночи в листьях.

Пророк, иль демон, иль кудесник,
Загадку вечную храня,
О, Леонардо, ты – предвестник
Еще неведомого дня.

Смотрите вы, больные дети
Больных и сумрачных веков:
Во мраке будущих столетий
Он, непонятен и суров, –
Ко всем земным страстям бесстрастный,
Таким останется навек –
Богов презревший, самовластный,
Богopodobный человек.

1894

Милан

СКУКА

Страшней, чем горе, эта скука.
Где ты, последний терн венца,
Освобождающая мука
Давно желанного конца?

Приди, открой великолепье
Иных миров моих очам:
Я сброшу тело, как отрепье,
И праху прах мой я отдам.

С ее бессмысленным мученьем,
С ее томительной игрой,
Невыносимым оскорбленьем
Вся жизнь мне кажется порой.

Хочу простить ее, но знаю,
Уродства жизни не прощу,
И горечь слез моих глотаю
И умираю, и молчу.

Сентябрь 1894

НАДЕЖДА

Надежда милая, нельзя тебя убить!
Ты кажешься порой мне страшную химерой,
И все-таки я полн беспомощною верой.
Несчастливая! как я, должна ты лгать, чтоб жить.

Ты в рубище зимой встречалась мне порою
На снежных улицах, в мерцанье фонаря;
Как изгнанная дочь великого царя,
С очами гордыми, с протянутой рукою.

И каждый раз, глупец, я брал тебя домой,
И посиневшие от холода, в тревоге,
Отогревал в руках твои босые ноги;
И рад был, что ты вновь смеешься надо мной.

На золотых кудрях еще снежинки тают,
Но мой очаг горит, наполнен мой бокал..
Мне кажется, что я давно тебя искал..
И легкою чредой мгновенья улетают.

Я знаю, что меня ты к бездне приведешь,
Но сердцу надо быть счастливым хоть ошибкой,
Я знаю, что ты – смерть, я знаю, что ты – ложь,
И все-таки тебя я слушаю с улыбкой.

Уйди, оставь меня! Что значит эта власть?
Но нет, ты не уйдешь – до вечного порога.
Я проклинал любовь, и проклинал я Бога,
А не могу тебя, безумную, проклясть.

25 сентября 1894

СТАЛЬ

Гляжу с улыбкой на обломок
Могучей стали, – и меня
Быть сильным учишь ты, потомок
Воды, железа и огня!

Твоя краса – необычайна,

О, темно-голубая сталь...

Твоя мерцающая тайна

Отраднa сердцу, как печаль.

А между тем твое сиянье

Нежней, чем в поле вешний цвет:

На нем и детских уст дыханье

Оставить может легкий след.

О, сердце! стали будь подобно –

Нежней цветов и тверже скал, –

Восстань на силу черни злобной,

Прими таинственный закал!

Не бойся ни врага, ни друга,

Ни мертвой скуки, ни борьбы,

Неуязвимо и упруго

Под страшным молотом Судьбы.

Дерзай же, полное отваги,

Живую двойственность храня,

Бесстрастный, мудрый холод влаги

И пыл мятежного огня.

28 сентября 1894

НОЯБРЬ

Бледный месяц – на ущербе.

Воздух – звонок, мертв и чист.

И на голой, зябкой вербе

Шелестит увядший лист.

Замерзает, тяжелеет

В бездне тихого пруда,

И чернеет и густеет

Неподвижная вода.

Бледный месяц на ущербе

Умирающий лежит,

И на голой черной вербе

Луч холодный не дрожит.

Блещет небо, догорая,
Как волшебная земля,
Как потерянного рая
Недоступные поля.

24 ноября 1894

ОСЕНЬЮ В ЛЕТНЕМ САДУ

В аллее нежной и туманной,
Шурша осеннюю листвою,
Дитя букет собирает странный,
С улыбкой жизни молодой...

Все ближе тень октябрьской ночи,
Все ярче мертвенный букет.
Но радует живые очи
Увядших листьев пышный цвет...

Чем бледный вечер неутешней,
Тем смех ребенка веселей,
Подобный пенью птицы вешней
В холодном сумраке аллеи.

Находит в увяданье сладость
Его блаженная пора:
Ему паденье листьев – радость,
Ему и смерть еще – игра!..

1894

НА ОЗЕРЕ КОМО

Кому страдание знакомо,
Того ты сладко усыпишь,
Тому понятна будет, Комо,
Твоя безветренная тишь.
И по воде, из церкви дальней,
В селенье бедных рыбаков,
«Ave Maria» – стон печальный,

Здесь горы в зелени пушистой
Уютно заслонили даль,
Чтобы волной своей тенистой
Ты убаюкало печаль.
И обещанье так прекрасно,
Так мил обманчивый привет,
Что вот опять я жду напрасно,
Чего, я знаю, в мире нет.

1894

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Я уйду из глубоких аллей
И от виллы, где дышит в тени колоннады
Дух Эллады,
От счастливых людей,
Прочь от жизни усталой,
Я уйду в эти скалы,
Где лишь мох, солнцем выжженный, чахнет,
Где свободнее ветра порыв и сильней
Меж изглоданных влагой, колючих камней
Море солью и свежестью пахнет.

Наша радость и горе,
Все, что стоит любить, все, чем можно страдать
И что люди словами умеют сказать, –
Пред тобою ничтожно, о море!
Забываю друзей и прощаю врагу,
И полно мое сердце такого бесстрастья,
Что любить на земле никого не могу,
И не страшно мне смерти, не надо мне счастья.

Между 1891 и 1895

ШУМ ВОЛН

Скажите мне, за что люблю, о волны,
Ваш сладостный и непонятный шум,
Когда всю ночь ему внимаю, полный

Изменчивы, как я, и неизменны,
Вы боретесь, и нет вам тишины,
И все-таки вы праздны и блаженны,
И олимпийской резвостью полны.

И страстного вы учите бесстрастью,
Не верить злу людскому и добру,
Быть радостным и не стремиться к счастью,
И жизнь любить как вечную игру.

И мудрости вы учите свободной:
Все пением и смехом побеждать,
Чтоб в красоте великой и холодной
Бесцельно жить, бесцельно умирать.

Ваш вольный шум – для сердца укоризна.
Мой дух влечет к вам древняя любовь:
Не прах земли, а вы – моя отчизна,
То, чем я был и чем я буду вновь.

Апрель 1895

Ницца

ЛАСТОЧКИ

Вечером нежным, как твой поцелуй,
Полным то теплых, то свежих изменчивых струй,
Милые ласточки вьются.

Неподвижный камыш чуть заденут крылом
И стремглав унесутся,
Тонут с криками в небе родном,
Словно с дерзостным хохотом.
Нет им дела до туч,
Что ползут, застилая испуганный луч,
С медленным грохотом.

Милые ласточки, вас я люблю.
Может быть, жизнь я бы отдал мою,

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosoff.org
Бедную гордую душу мою,

Только б иметь ваши крылья
И без усилья
В небе, как вы, потонуть.

Но надо мной вы смеетесь, играете
И подставляете

Алому вечеру белую грудь.

Жизни меня научите веселой:

Видите, как по земле я влачусь,
Скорбный, больной и тяжелый, –
Так я и в темную землю вернусь.

О, научите меня

Жизни крылатой, жизни веселой,

Петь научите меня,

Славить рождение дня,

Славить и бурю, идущую с медленным грохотом,

Петь и летать,

Все побеждать

Дерзостным хохотом!

<1895>

НЕ НАДО ЗВУКОВ

Дух Божий веет над землею.

Безмолвен пруд, недвижим лес.

Учись блаженному покою

У вечеряющих небес.

Не надо звуков: тише, тише!

У лучезарных облаков

Учись тому теперь, что выше

Земных желаний, дел и слов.

23 июня 1895

СЛЕПАЯ

Боюсь, боюсь тебя, слепая

С очами белыми, о дочь

И нестыдящаяся Ночь!

Покрова нет и нет обмана.
И после всех дневных обид
Зари мучительной горит
Незаживающая рана.

1895

НИРВАНА

И вновь, как в первый день создания,
лазурь небесная тиха,
как будто в мире нет страдания,
как будто в сердце нет греха.

Не надо мне любви и славы:
В молчанье утренних полей
Дышу, как дышат эти травы...
Ни прошлых, ни грядущих дней

Я не хочу пытаться и числить,
Я только чувствую опять,
Какое счастье – не мыслить,
Какая нега – не желать!

июль 1895

ТЕМНЫЙ АНГЕЛ

О, темный ангел одиночества,
Ты веешь вновь
И шепчешь вновь свои пророчества:
«Не верь в любовь.

Узнал ли голос мой таинственный?

О милый мой,
Я – ангел детства, друг единственный,
Всегда – с тобой.

Мой взор глубок, хотя не радостен,
Но не горюй:

Мережковский Д. Новые стихотворения 1891 – 1895 filosoff.org
Он будет холоден и сладостен,

Мой поцелуй.

Он веет вечною разлукою, –

И в тишине

Тебя, как мать, я убаюкаю:

Ко мне, ко мне!»

И совершаются пророчества:

Темно вокруг.

О, страшный ангел одиночества,

Последний друг,

Полны могильной безмятежностью

Твои шаги.

кого люблю с бессмертной нежностью,

и те – враги!

19 августа 1895

Рощино

ПРОКЛЯТИЕ ЛЮБВИ

С усиьем тяжким и бесплодным

я цепь любви хочу разбить.

О, если б вновь мне быть свободным,

О, если б мог я не любить!

Душа полна стыда и страха,

Влачится в прахе и крови,

Очисти душу мне от праха,

избавь, о Боже, от любви!

ужель непобедима жалость?

Напрасно Бога я молю:

Все безнадежнее усталость,

Все бесконечнее люблю.

И нет свободы, нет прощенья.

Мы все рабами рождены,

Мы все на смерть, и на мученья,

1895

ДВЕ ПЕСНИ ШУТА

I

Если б капля водяная
Думала, как ты,
В час урочный упадая
С неба на цветы,
И она бы говорила:
«Не бессмысленная сила
Управляет мной.
По моей свободной воле
Я на жаждущее поле
Упаду росой!»
Но ничто во всей природе
Не мечтает о свободе,
И судьбе слепой
Все покорно – влага, пламень,
Птицы, звери, мертвый камень;
Только весь свой век
О неведомом тоскует
И на рабство негодует
Гордый человек.
Но, увы! лишь те блаженны,
Сердцем чисты те,
Кто беспечны и смиренны
В детской простоте.
Нас, глупцов, природа любит,
И ласкает, и голубит,
Мы без дум живем,
Без борьбы, послушны року,
Вниз по вечному потоку,
Как цветы, плывем.

II

То не в поле головки сбивает дитя

То короны и митры сметает, шутя,
Всемогущая Смерть, пролетая.
Смерть приходит к шуту: «Собирайся, Дурак,
Я возьму и тебя в мою ношу,
И к венцам и тиарам твой пестрый колпак
В мою общую сумку я брошу».
Но, как векша, горбун ей на плечи вскочил
И колотит он Смерть погремушкой,
По костлявому черепу бьет, что есть сил,
И смеется над бедной старушкой.
Стонет жалобно Смерть: «Ой, голубчик, постой!»
Но герой наш уняться не хочет;
Как солдат в барабан, бьет он в череп пустой,
И кричит, и безумно хохочет:
«Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
Жизнь, и солнце, и смех всей душою любя,
Буду жить-поживать, припевая:
Гром побед отзвучит, красота отцветет,
Но дурак никогда и нигде не умрет, –
Но бессмертна лишь глупость людская!»

Примечания

1

из глубины (взываю к Тебе, Господи) (лат.) – Псалом 129, 1.

2

дочери Зевса и Фемиды, богини судьбы.

3

Трое друзей Иова: Елифаз Феманитянин, Вилдат Савхейнин и Софар Наамитянин (Книга Иова, 11, 11).

4

Гекуба – жена царя Трои Приама и мать Гектора – отважнейшего из троянских воинов, погибшего в поединке с Ахиллом.

5

Андромаха – жена Гектора.

6

Илион – Троя.

7

Омир – Гомер.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!